

* * *

Мы идем — дороженька бела, —
заложив беспечно наши души,
и легки бездушные тела,
и дела бездушные воздушны.
Мы идем, рискуя всем, что есть,
с чем, казалось, вечно не расстанемся,
и потерь в пути уже не счесть,
и вдали растаяло пристанище.
Мы дойдем — не знаю, почему —
не до двери, так дойдем до ручки,
и пройдем — не свет пройдем, так тьму,
и найдем — не розы, так колючки.
Мы идем, и наш удел — идти.
Чашу кратера иль чашу горя
поднесет нам кто-то на пути —
и «спасибо» скажем, ветру вторя...

* * *

А разве бабочка — малая тайна?

Св. Николай Сербский

Бабочка проснулась в конце февраля,
облетела комнату и села на занавеску.
Она такая же, как была, а я
сильно изменился после дальней поездки.

Нет, жена моя не умерла,
а вышла на станции, мне известной.
Смахиваю хлебные крошки со стола
и смотрю на бабочку на солнечной занавеске.

* * *

Не раздражайте пустоту,
она ответит тонким звоном
иль дребезжанием вагона
на оборвавшемся мосту.

Что прошлое? Пустой вокзал.
Ты опоздал, там просто пусто.
Пустой вагон продребезжал.
Мост оборвался, шпалой хрустнув.

А жизнь? Она горит огнем
и пеплом сыплется под ноги,
и исчезает вслед за днем
в вечернем сумраке дороги.

Одно утешит: красота.
Ты присмотрись — она повсюду,
она повсюду разлита
свидетельством, что *жизнь есть чудо*.

И оживет пустой вокзал,
и поезд тронется на малой,
и мост, что в темноте пропал,
вновь через бездну бросит шпалы.

* * *

Возникла на мгновение,
взглянула на меня
и, точно привидение,
исчезла... У плетня...
Остался только серенький,
задумчивый денек,
остался только беленький
оброненный платок.
Платок с цветными кромками
не комкает рука.
Тяжелыми парами
уходят облака.
Уходят в дымке тающей,
в синеющей дали,
за низкий холм, за кладбище,
за близкий край земли...

БЕССОННИЦА

И вот лежу я посреди ночного города,
закрывшись шторой от уличных фонарей,
и шепчет бессонница, приставив нож
к горлу мне:
— Не вздумай уснуть, а лучше водки себе
налей.

И я встаю, и послушно иду на кухню,
наливаю водки себе сто грамм,
отрезаю сала и жду, когда потухнет
последнее окно в колодце двора,

а оно, как назло, не желает гаснуть —
и я представляю, как там, за столом,
сидит мой двойник со взором ясным
и, подняв стакан, спрашивает:
— За что пьем?..

* * *

Все идет по замкнутому кругу,
и однажды, дойдя до точки,
ты ощутишь, протягивая руку,
рукопожатие не человека, а оболочки.

И, оправившись от испуга,
раскинешь своим умишком:
все идет по замкнутому кругу,
и ты в чем-то переборщил тришке.

Не тот человек? Не та эпоха?
Или ты сам не такой, каким был задуман?
На самом деле все не так плохо,
просто из потустороннего мира задуло...

* * *

Чужая жизнь. В ней копошиться,
двусмысленной и непростой,
я вовсе не хочу. Синица
сидит на ветке предо мной.

Ах, эта чуткая синица!
Спугнешь — и тут же улетит.
Чужая жизнь кому-то снится,
меня же от нее мутит.

Но это же так интересно:
в канве событий видеть мысль?
Все поглощающая бездна.
Все обнажающая высь.

* * *

Господи, прости мои ошибки,
тяжкие и мелкие грехи, —
от не к месту вспыхнувшей
 улыбки
до приведшей к горю чепухи;
от желаний темных,
 пусть невольных,
до пустых и суетных затей,
от лихих иль сумрачных застолий
до любви истерзанной моей.

Тяжелы грехи! Точно по пашне,
по весне, в один из теплых дней,
я бреду через сугроб вчерашний,
а идти труднее и трудней.

* * *

Пробуем докричаться,
глупые, друг до друга,
лучше пойти и сдатьсь
лесу, дороге, лугу.

Что-то поднадоели
эти глухие речи,
эти плохие вести,
эти пустые встречи.

Нечего нам бояться,
мы на ладони Бога,
вот она, линия жизни, —
это к Нему дорога.

* * *

Живу теперь по принципу:
день прошел — и слава Богу.
В тихую провинцию
возвращаюсь понемногу.

Телевизор выключен.
Газеты — для печки.

Тихая провинция.
Синий вечер.

Хорошо, что тихая.
Здесь слышней бывает,
как мгновений тиканье
тишина смывает.

* * *

Мы просто доживаем прошлый век,
осколки удивительной эпохи,
когда был человеком человек,
сквозь тьму глотая света крохи.

Пусть атеизмом отравили нас,
и страсти разрослись, и сжались сроки!
но Слово — жило, а душа рвалась
к прекрасному в той сумрачной эпохе.